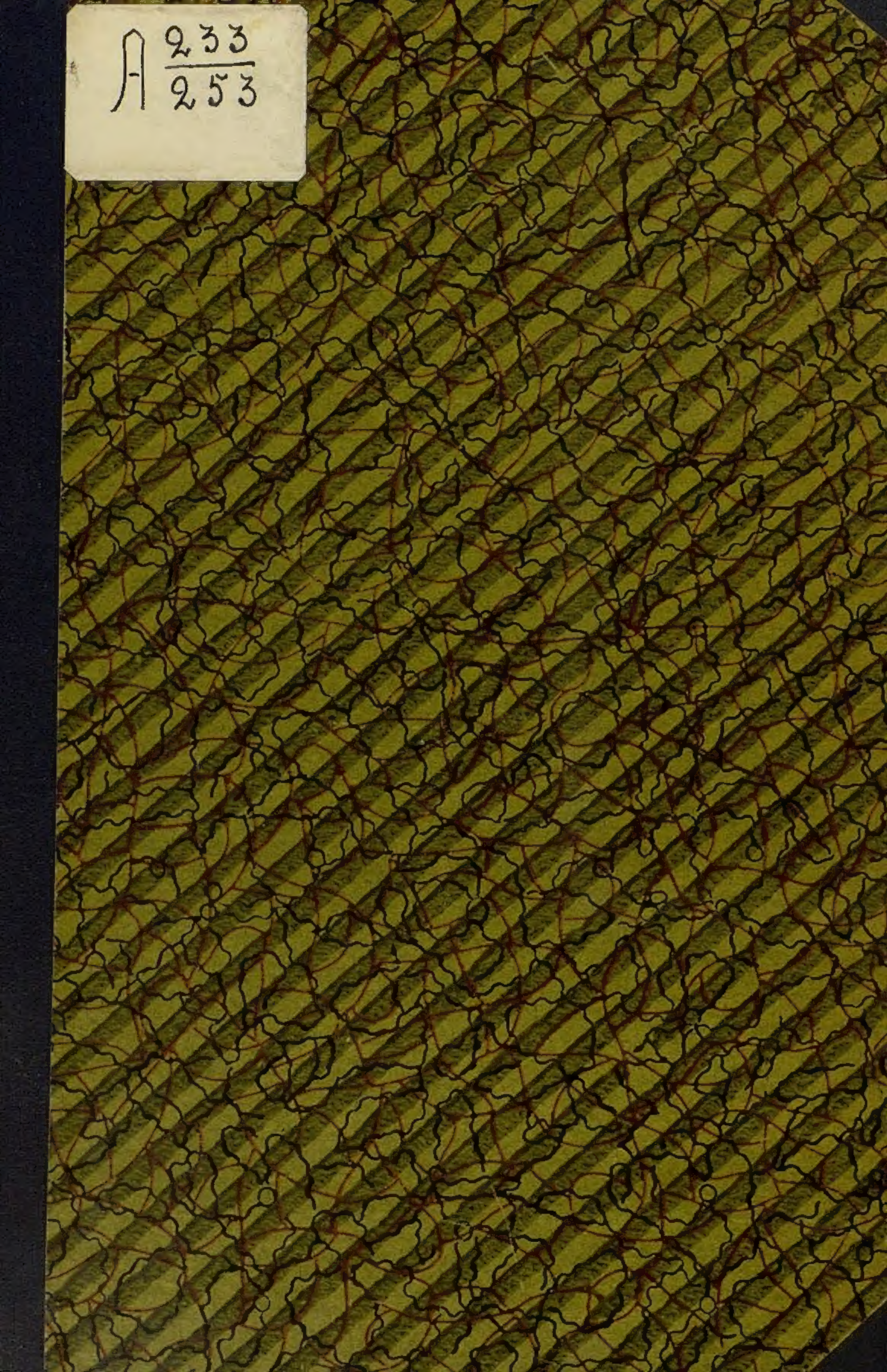

А 233/253


2007042012

БУХАРСКІЯ ПОСОЛЬСТВА

ПРИ ДВОРѢ

ЕКАТЕРИНЫ II

П. П. ШУБИНСКАГО




С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1897

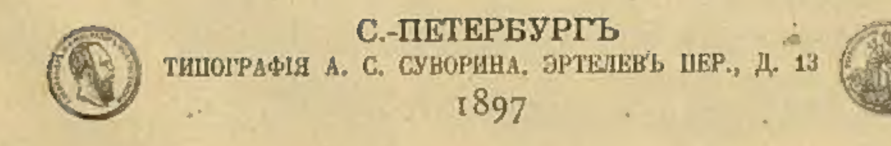

БУХАРСКІЯ ПОСОЛЬСТВА

ПРИ ДВОРѢ

ЕКАТЕРИНЫ II

П. П. ШУБИНСКАГО





С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1897

Дозволено цензурою 1 февраля 1897 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.



БУХАРСКІЯ ПОСОЛЬСТВА ПРИ ДВОРѢ ЕКАТЕРИНЫ II.

НА ОДНОЙ изъ центральныхъ улицъ города Бухары, возлѣ величественнаго зданія медрессе Кукольташъ и мечети Шахсанемъ, возвышается небольшое, но изящное по своему архитектурному стилю медрессе Иръ-Назаръ-Ильчи. Бѣлый мраморный портикъ, выточенный въ стилѣ ша-арапъ, ведетъ во внутренность двухъ-этажнаго зданія медрессе, сложеннаго изъ четырехугольныхъ плитъ сѣраго тесаннаго камня, облицованнаго по карнизамъ маіоликовыми изразцами въ общемъ вкусѣ зданій этого рода въ Средней Азіи. Внутренность медрессе состоитъ изъ обширной и свѣтлой, увѣнчанной куполомъ, аудиторіи, бѣлыя стѣны которой покрыты узорами и арабесками изъ алебастра тонкой, художественной работы. Къ аудиторіи съ обѣихъ сторонъ примыкаютъ комнаты—кельи учителей и студентовъ (шаирдовъ), которыхъ насчитывается здѣсь до 80 человѣкъ. Медрессе содержится на доходы своего вакуфа; каждый шаирдъ, кромѣ безплатнаго ученья и дарового помѣщенья, получаетъ еще небольшую стипендію (около 25 рублей въ годъ на наши деньги).

Объ основаніи этого медрессе существуетъ преданіе, что оно построено въ концѣ прошлаго столѣтія на средства, пожалованныя императрицей Екатериной II нѣкоему Муллѣ-Иръ-Назаръ-бію, бывшему бухарскимъ посломъ при дворѣ императрицы въ періодъ управленія Бухарой Шахъ-Мурадомъ, въ знакъ особаго благоволенія и за заслуги, оказанныя будто бы Иръ-Назаромъ русскому правительству. Обстоятельство это издавна придавало медрессе Иръ-На-

заръ-Ильчи особый интересъ въ глазахъ путешественниковъ-европейцевъ, въ особенности русскихъ, которымъ доводилось посѣтить Бухару и осмотрѣть ея многочисленныя достопримѣчательности. При посѣщеніяхъ такого рода услужливые бухарскіе гиды и муллы считаютъ своей непремѣнной обязанностью, въ числѣ другихъ достопримѣчательностей столицы, показать путешественнику Иръ-Назаръ-Ильчи, разсказать ему легенду о сооруженіи этого памятника Екатериной II, о необыкновенныхъ достоинствахъ и добродѣтеляхъ самого Иръ-Назара, о его посольствѣ въ Россію и о томъ, какимъ образомъ, въ результатѣ этого посольства, русской императрицей было построено въ Бухарѣ медрессе его имени. Съ теченіемъ времени на эту тему сложилось даже нѣсколько варіантовъ, которые, передаваясь изъ устъ въ уста, постепенно перешли въ нашу научно-описательную литературу и окончательно закрѣпили за медрессе Иръ-Назаръ-Ильчи его второе названіе: медрессе императрицы Екатерины II. Такъ, нашъ извѣстный оріенталистъ Н. В. Ханыковъ, въ своемъ описаніи Бухарскаго ханства, категорически заявляетъ, что Иръ-Назаръ-Ильчи построено императрицей Екатериной II, а г. Пославскій, въ описаніи города и ханства Бухары, подтверждая это происхожденіе медрессе, присовокупляетъ, что оно названо такъ по имени лица, правившаго посольство, и что на сооруженіе его было пожертвовано 40.000 рублей. В. В. Крестовскій, посѣтившій Бухару въ 1883 году въ качествѣ офиціальнаго лица, въ дневникѣ своей поѣздки, носящемъ названіе «Въ гостяхъ у эмира Бухарскаго», приводитъ два варіанта вышеприведенной легенды. Согласно первому изъ этихъ варіантовъ, медрессе Иръ-Назаръ было построено при слѣдующихъ обстоятельствахъ: ишанъ Иръ-Назаръ, будучи очень бѣденъ, задался мыслію построить хорошее медрессе и всю жизнь свою посвятилъ этой завѣтной цѣли. Переписывая книги, проповѣдуя коранъ и прося милостыню, онъ въ теченіе долгихъ лѣтъ успѣлъ наконецъ собрать нѣкоторую сумму и началъ постройку, но денегъ этихъ далеко не хватило на ея окончаніе. Тогда императрица Екатерина II, случайно узнавъ объ ишанѣ Иръ-Назарѣ и о благомъ намѣреніи, которому была посвящена вся его жизнь, рѣшила помочь бѣдному ученому и послала ему боченокъ золота. На эти-то деньги и было устроено медрессе.

Другая версія легенды говоритъ, что по вступленіи на бухарскій престолъ эмира Шахъ-Мурада, въ шабанѣ мѣсяцѣ 1199 года (январь 1784 года), онъ, желая заручиться союзомъ Россіи противъ Персіи, отправилъ Иръ-Назара въ Петербургъ въ качествѣ посла, а императрица Екатерина, желая съ своей стороны закрѣпить дружественныя связи съ Бухарой и тѣмъ открыть просторъ русской торговлѣ въ Средней Азіи, пожертвовала, между прочимъ, капиталъ на построеніе и содержаніе медрессе, зная, что это будетъ пріятно набожному эмиру. Г. Крестовскій, заканчивая свое повѣствованіе за-

явленіемъ, что онъ не ручается за дословную достовѣрность той или другой изъ этихъ легендъ, присовокупляетъ, однако, что участіе Екатерины II въ построеніи Иръ-Назаръ-Ильчи, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно.

Автору этой статьи, въ бытность его въ Бухарѣ и другихъ мѣстностяхъ Средней Азіи, не разъ приходилось слышать эти и подобныя легенды о происхожденіи медрессе Иръ-Назаръ-Ильчи, и также большой соборной мечети въ Ташкентѣ, разрушенной землетресеніемъ въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія и будто бы возстановленной императрицей Екатериной II. Суть этихъ разсказовъ вкратцѣ воспроизведена имъ въ очеркахъ Бухарскаго ханства, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1892 годъ.

Однако же, при болѣе обстоятельномъ изученіи, по архивнымъ источникамъ, исторіи сношеній русскаго правительства съ средне-азіатскими ханствами въ прошломъ столѣтіи всѣ эти преданія и легенды оказываются далекими отъ исторической правды. Вопросъ объ участіи императрицы Екатерины II въ реставраціи ташкентской джуммы-мечети, какъ мы увидимъ это ниже, разрѣшается въ отрицательномъ смыслѣ; что же касается медрессе Иръ-Назаръ-Ильчи‘ то хотя оно и носитъ названіе лица, два раза (въ 1775 и 1779 годахъ исполнявшаго обязанности бухарскаго посла при дворѣ императрицы, но посольства эти были вызваны совершенно иными причинами, чѣмъ тѣ, которыя приводитъ бухарское народное преданіе, имѣли мѣсто въ періодъ управленія ханствомъ не эмиромъ Шахъ-Мухадомъ, а Абдулъ-Гази-ханомъ, причемъ ни о какихъ пожертвованіяхъ на сооруженіе въ Бухарѣ медрессе имени Иръ-Назара въ память заслугъ, яко бы оказанныхъ этимъ лицомъ русскому правительству, или съ цѣлію сдѣлать пріятное эмиру, при дворѣ императрицы Екатерины и рѣчи не было.

Мы считаемъ своей обязанностію исправить вкравшуюся въ нашу описательную литературу ошибку относительно приписываемаго Екатеринѣ II происхожденія медрессе Иръ-Назаръ-Ильчи и реставраціи ташкентской джуммы-мечети во избѣжаніе повторенія этой ошибки въ будущемъ, при составленіи описаній памятниковъ старины въ Средней Азіи, приведя попутно съ этимъ, заимствованныя нами изъ дѣлъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ за 1775—1786 годы, не лишенныя интереса подробности о двукратныхъ посольствахъ ко двору императрицы Екатерины Муллы-Иръ-Назаръ-бія и его сына Мухаметъ-Шерифа, давшихъ поводъ для вышеприведенной бухарской легенды.

Въ исторіи Бухары XVIII вѣкъ ознаменованъ полнымъ упадкомъ ея былого первенствующаго политическаго значенія въ группѣ средне-азіатскихъ ханствъ, экономическимъ оскудѣніемъ и разстройствомъ ея государственнаго организма. Рядъ неблагопріятныхъ для ханства обстоятельствъ, безпрерывныя междоусобныя и династическія

войны, раздиравшія страну въ продолженіе двухсотлѣтняго правленія слабыхъ и бездарныхъ Аштарханидовъ, непомѣрное развитіе ислама и усиленіе грубой, мало культурной узбекской партіи, захватившей въ свои руки бразды правленія, въ концѣ концовъ привели къ тому, что нѣкогда могущественное и богатѣйшее въ мірѣ государство Тимуридовъ обратилось въ жалкій обломокъ, готовый, казалось, прекратить свое самобытное политическое существованіе. Къ концу XVIII вѣка въ странѣ было уничтожено почти все хорошее, что въ ней было: науки и просвѣщеніе, искусства и ремесла, земледѣліе и промышленность. Цифра народонаселенія ханства и площади обработываемой земли сократились къ этому времени до ничтожныхъ размѣровъ. Знаменитая ирригаціонная система, снабжавшая водами Сыръ-Дарьи всю сѣверную половину ханства, частію была брошена на произволъ судьбы и занесена песками, частію уничтожена самими бухарцами, пользовавшимися въ критическія минуты этимъ варварскимъ средствомъ для защиты отъ вторженія въ бухарскіе предѣлы сосѣднихъ непріятельскихъ народовъ [1]). За недостаткомъ водоснабженія цѣлые цвѣтущіе оазисы были покидаемы жителями, дѣлаясь добычей движущихся песковъ, обращавшихъ ихъ въ голыя, безводныя пустыни. Въ ханствѣ сильно развилась торговля невольниками [2]); извѣстное когда-то по всему востоку бухарское шелководство и другія цѣнныя отросли промышленности перешли къ самымъ грубымъ, примитивнымъ формамъ; лучшіе архитектурные памятники страны лежали въ развалинахъ. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ ханства царили интриги и безначаліе, весьма близкіе къ анархіи; народъ страдалъ подъ тяжестью непосильныхъ налоговъ; отъ государственнаго тѣла ханства отрывалась одна провинція за другой, переходя въ подданство сосѣдей или образуя отдѣльныя, самостоятельныя владѣнія.

Не въ лучшемъ положеніи находилась бухарская торговля того времени. Измѣненіе такъ называемыхъ великихъ торговыхъ путей, соединявшихъ Европу съ богатѣйшими странами Восточной Азіи, еще въ XVI вѣкѣ лишило Бухару тѣхъ громадныхъ выгодъ, которыми она пользовалась, благодаря своему значенію центральнаго транзитнаго пункта на пути движенія товаровъ изъ Китая и Индіи въ Европу и обратно. Съ открытіемъ Васко-де-Гама морского пути вокругъ Африки, прежняя сухопутно-караванная торговая зона, соединявшая Европу съ Азіей, была почти совершенно оста-

---

[1]) Такимъ образомъ, по приказанію Абдуллахъ-хана (1555 — 1597 г.), былъ уничтоженъ знаменитый Бухара-арыкъ, снабжавшій водами Сыръ-Дарьи сѣверную и сѣверо-западную части ханства.

[2]) Въ дѣлахъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ имѣется, между прочимъ, свѣдѣніе, что въ 1785 г. однихъ только русскихъ невольниковъ насчитывалось въ Бухарѣ до 4000.

влена[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, торговое значеніе Бухарскаго ханства сократилось до ничтожныхъ, сравнительно, размѣровъ, ограничиваемыхъ вывозомъ изъ него предметовъ внутренняго производства и произведеній сопредѣльныхъ съ нимъ странъ: сѣверо-восточныхъ областей Персіи, Афганскаго Туркестана, Кашемира, Кашгаріи и Кокана. Но и въ этомъ относительно небольшомъ объемѣ европейская торговля ханства къ концу XVIII вѣка почти совершенно прекратилась.

Слабое правленіе Аштарханидовъ имѣло, между прочимъ, прямымъ слѣдствіемъ отпаденіе изъ-подъ власти Бухары сосѣднихъ кочевыхъ племенъ: туркменъ, части узбекскихъ родовъ и кара-киргизовъ, занимавшихъ своими кочевьями сѣверо-западные предѣлы ханства. Эти хищныя орды, вмѣстѣ съ хивинскими ихъ соплеменниками и киргизъ-кайсаками, систематически выдѣляли изъ себя многочисленныя шайки вооруженнаго сброда, которыя не только безпрепятственно грабили и захватывали въ плѣнъ путешественниковъ и караваны, направлявшіеся изъ Средней Азіи въ Россію и Западную Европу, но даже, нерѣдко, вооруженной рукой врывались во внутреннія области ханства, предавая все огню и мечу или заставляя беззащитныхъ жителей выкупать свою жизнь и имущество. Ничтожное бухарское правительство, все вниманіе котораго было поглощено придворными интригами, религіозными спорами и внутренними смутами, оказывалось, по большей части, безсильнымъ противостоять этому злу, сдѣлавшемуся, съ теченіемъ времени, какъ бы хроническимъ и уничтоженному только въ недавнее время, съ водвореніемъ въ Средней Азіи русской власть и гражданственности.

Естественно, что при такихъ условіяхъ торговыя сношенія Бухары съ европейскими странами сдѣлались чрезвычайно затруднительными, и лишь немногіе смѣльчаки изъ среды торговаго люда, съ рискомъ для жизни и капиталовъ, рѣшались поддерживать эту торговлю, направляя свои караваны на Оренбургъ и Астрахань черезъ хивинскія владѣнія и Мангышлакскій полуостровъ. Въ послѣдней четверти XVIII столѣтія эти сношенія еще болѣе были затруднены Пугачевскимъ бунтомъ и безпорядками среди кочевого населенія на нашей восточной границѣ.

Осенью 1773 года, направлявшійся изъ Бухары въ Россію крупный бухарскій караванъ, принадлежавшій нѣсколькимъ лицамъ и заключавшій въ себѣ товаровъ почти на пятьсотъ тысячъ рублей, былъ разграбленъ на оренбургской линіи пугачевскими шайками и киргизъ-кайсаками. Сопровождавшіе его бухарцы частію были перебиты,

---

[1]) Отъ бухарскихъ предѣловъ эта зона раздѣлялась на четыре главныя вѣтви: 1) Бухара-Хива-Астрахань—30 дней пути; 2) Бухара-Хива-Оренбургъ—60 дней; 3) Бухара-Троицкъ, по восточному берегу Аральскаго моря—80 дней; 4) Бухара-Ташкентъ-Петропавловскъ—90 дней пути.

частію успѣли бѣжать въ Бухару, куда и принесли извѣстіе объ этой катастрофѣ. Разграбленіе торговаго каравана на пути слѣдованія изъ Азіи въ Европу составляло въ тѣ времена заурядное явленіе и не вызывало, обыкновенно, политическаго конфликта [1]. Однако же, убытки, понесенные на этотъ разъ бухарскими купцами, были на столько значительны, что они рѣшились обратиться къ царствовавшему тогда въ Бухарѣ хану Абуль-Гази [2]) съ просьбой исходатайствовать у русскаго правительства вознагражденіе за убытки, понесенные при разграбленіи ихъ собственности въ предѣлахъ Россіи русскими подданными. Поддержать эту просьбу передъ русскимъ правительствомъ вызвался нѣкто Мулла-Иръ-Назаръ-бій, богатый и вліятельный бухарецъ, одинъ изъ пайщиковъ разграбленнаго каравана, ужъ не разъ бывавшій передъ тѣмъ въ Россіи по своимъ торговымъ дѣламъ. Предложеніе его было принято, и въ началѣ 1774 года ко двору Екатерины II было снаряжено изъ Бухары посольство въ слѣдующемъ составѣ:

Мулла Иръ-Назаръ-бій, посолъ,

Сынъ посла Мухаметъ-Шарифъ, пансатъ-баши,	свита посла.
Ахунъ-Мулла-Арабъ,	
Имамъ Мулла-Халилъ,	
Мулла Баба-Шарифъ, совѣтникъ и секретарь,	
Мухаметъ-Шарифъ, хазандаръ (казначей),	
Аязъ-берды, юзъ-баши (капитанъ).	

Кромѣ того, при посольствѣ слѣдовали: бухарскій фельдшеръ, повара, хлѣбники, прислуга, 9 музыкантовъ и 10 конюховъ для ухода за верховыми лошадьми, назначенными ханомъ въ подарокъ императрицѣ Екатеринѣ, цесаревичу Павлу Петровичу и нѣкоторымъ другимъ лицамъ,—всего 53 человѣка.

Посольство было снабжено вѣрительными грамотами Абуль-Гази къ императрицѣ Екатеринѣ и неизбѣжными на востокѣ подарками, заключавшимися въ слѣдующихъ предметахъ:

---

[1]) При такихъ точно обстоятельствахъ, въ предѣлахъ Бухарскаго и Хивинскаго ханствъ были разграблены въ 1738, 1753, 1823 и 1824 годахъ наши правительственные караваны, посланные въ Среднюю Азію.

[2]) Абуль-Гази считается послѣднимъ ханомъ царствовавшей въ Бухарѣ съ 1597 —1784 г. династіи Аштарханидовъ, составлявшихъ потомство изгнанныхъ изъ Россіи въ XVI вѣкѣ астраханскихъ хановъ. Этотъ ничтожный и слабый бухарскій правитель былъ сначала игрушкой въ рукахъ возводившаго его на тронъ перваго министра Даніалъ-аталыка, а въ 1784 г. былъ совершенно устраненъ отъ власти Шахъ-Мурадомъ, основателемъ царствующей теперь въ Бухарѣ узбекской династіи Мангытъ.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, этотъ фиктивный Бухарскій правитель даже совершенно не принадлежалъ къ царственному роду Аштарханидовъ, но былъ выставленъ узбекской партіей, какъ подставное лицо. Существуетъ преданіе, что въ молодости онъ былъ простымъ пастухомъ. Онъ умеръ въ 1795—1796 г. въ Уафкентѣ, всѣми забытый, въ полномъ ничтожествѣ.

Императрицѣ 7 арабскихъ аргамаковъ, убранныхъ дорогими попонами и сѣдлами; 18 паръ индійскихъ парчей, вышитыхъ золотомъ; 127 пудовъ ляписъ-лазурнаго камня, 84 пуда ревеня; 5 пудовъ чепучиннаго корня. Цесаревичу 3 арабскихъ аргамака, съ попонами и сѣдлами; цесаревнѣ 10 паръ индійскихъ парчей. Остерману, Панину, братьямъ Орловымъ и Олсуфьеву отправлялись также въ подарокъ арабскіе аргамаки, убранные дорогими попонами и сѣдлами.

Кромѣ того, Иръ-Назаръ велъ изъ Бухары въ Россію двадцать человѣкъ русскихъ плѣнныхъ, выкупленныхъ на средства бухарскаго правительства и посылаемыхъ въ видѣ почетнаго дара отъ хана императрицѣ [1]).

Пользуясь благопріятнымъ случаемъ, посолъ и его свита захватили съ собой значительный транспортъ бухарскихъ товаровъ, разсчитывая провезти ихъ безпошлинно черезъ русскую границу подъ видомъ подарочныхъ вещей и затѣмъ распродать въ Россіи въ свою пользу.

Посольство выступило изъ Бухары въ концѣ января 1774 г., на Оренбургъ, черезъ Хиву, въ которую прибыло въ февралѣ мѣсяцѣ. Здѣсь, вслѣдствіе полученныхъ извѣстій объ осадѣ Оренбурга пугачевскими скопищами, посольство оставалось почти полгода, послѣ чего двинулось далѣе черезъ Мангышлакъ на Астрахань, въ которую прибыло въ началѣ сентября 1774 года. Въ Астрахани его ожидала новая продолжительная задержка, такъ какъ тогдашній астраханскій губернаторъ, генералъ-маіоръ Кречетниковъ, отказался пропустить посольство далѣе, черезъ русскія владѣнія, до полученія на это разрѣшенія и инструкцій изъ Петербурга [2]). Эти послѣднія были получены въ Астрахани только 30-го октября. Въ отвѣтъ на донесеніе Кречетникова Екатерина приказывала задержать посольство въ Астрахани и выслать въ Москву не ранѣе конца января 1775 года, ко времени прибытія туда двора, съ тѣмъ, чтобы изъ свиты посла было отправлено въ столицу не болѣе 20—30 лицъ, по его выбору. Подъ экипажи и багажъ посольства было приказано назначить 53 лошади и отпустить послу и его свитѣ, со вре-

---

[1]) Эти и послѣдующія свѣдѣнія о посольствахъ къ русскому двору Муллы-Иръ-Назаръ-бія и его сына Мухаметъ-Шарифа извлечены изъ дѣлъ государственной иностранной коллегіи за 1774—1786 годъ, хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Составитель статьи приноситъ глубочайшую благодарность памяти покойнаго директора архива барона Ф. А. Бюлера и чинамъ этого учрежденія, благодаря любезному содѣйствію которыхъ ему удалось извлечь изъ дѣлъ архива эти и другія интересовавшія его свѣдѣнія по исторіи сношеній Россіи съ средне-азіатскими ханствами въ XVIII столѣтіи.

[2]) Бухарскія посольства появлялись передъ тѣмъ въ Россіи въ 1734, 1735, 1736, 1739, 1740, 1743 и 1763 годахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ заподозрѣны въ томъ, что они не имѣли полномочій отъ своихъ правительствъ и составляли простыя купеческія партіи, самовольно придававшія себѣ значеніе посольствъ.

мени прибытія въ Астрахань, по 4 рубля въ сутки кормовыхъ денегъ.

Пребываніе бухарцевъ въ Астрахани сопровождалось рядомъ характерныхъ столкновеній посольства съ тамошней администраціей. Главною причиной этихъ столкновеній являлись требованія астраханской портовой таможни объ уплатѣ таможенныхъ пошлинъ за привезенные товары и подарочныя вещи, неправильная, по мнѣнію бухарцевъ, оцѣнка этихъ пошлинъ и вымогательства чиновъ астраханской губернской канцеляріи, вѣдавшей дѣла посольства, на подачки которымъ, по словамъ Иръ-Назара, приходилось расходовать отъ 20-30 рублей ежедневно. Выведенный изъ терпѣнія посолъ отправилъ, наконецъ, письменную жалобу канцлеру графу Остерману, въ которой, сообщая о притѣсненіяхъ астраханскихъ властей, онъ просилъ ускорить отправленіе посольства изъ Астрахани въ Москву. Генералъ Кречетниковъ, съ своей стороны, доносилъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ о неисполненіи посольствомъ разныхъ его требованій, о чрезмѣрной притязательности Иръ-Назара, выразившейся, между прочимъ, въ его недовольствѣ назначеннымъ отъ казны содержаніемъ, отъ котораго онъ отказался, причемъ, во время состоявшагося по этому поводу свиданія съ нимъ, Кречетниковымъ, посолъ «оказалъ себя въ грубомъ видѣ». Выѣздъ бухарцевъ изъ Астрахани, послѣ ряда взаимныхъ препирательствъ, состоялся наконецъ, 9 февраля 1775 года, въ сопровожденіи астраханскаго 4-го баталіона капитана Егора Павлова, одного унтеръ-офицера и двухъ рядовыхъ. Всего, въ составѣ посольства осталось 42 лица, которыя были раздѣлены на два эшелона, слѣдовавшіе одинъ за другимъ съ двухдневнымъ промежуткомъ времени.

Посольство прибыло въ Москву 14 марта и было помѣщено за Москвой-рѣкой, въ домѣ, принадлежавшемъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, но, найдя это помѣщеніе неудобнымъ, переѣхало на частную квартиру, на Моросейку, нанятую посломъ за 125 рублей въ мѣсяцъ. На содержаніе посольства было ассигновано отъ двора по 200 рублей въ мѣсяцъ, выданные со дня прибытія его въ Астрахань. Офиціальная причина переѣзда посольства на наемную квартиру заключалась въ претензіи, заявленной замоскворѣцкими жителями на безпокойство, будто бы причиняемое имъ бухарской музыкой, ежедневно, по нѣскольку разъ, производившей свои упражненія во дворѣ посольскаго дома, болѣе же потому, какъ говорится въ докладѣ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ императрицѣ, что посолъ желалъ имѣть полную свободу въ своихъ торговыхъ операціяхъ.

27 марта, за болѣзнью канцлера, посольство, въ полномъ составѣ, было принято вице-канцлеромъ графомъ Панинымъ. Во время этого визита Иръ-Назаръ вручилъ Панину вѣрительную грамоту Абуль-Гази на имя императрицы Екатерины, съ изъявленіемъ дружественныхъ чувствъ и объясненіемъ цѣли отправленія посольства

въ Россію, послѣ чего былъ посаженъ по правую руку вице-канцлера; по лѣвую сидѣлъ статскій совѣтникъ Бакунинъ; сынъ и свита стояли. Панинъ весьма дружественно бесѣдовалъ съ посломъ о положеніи дѣлъ въ Бухарскомъ ханствѣ, о бухарской торговлѣ и другихъ предметахъ. Въ это время подавали кофе и десертъ.

5 апрѣля посольство представлялось императрицѣ, послѣ литургіи, на выходѣ при дворѣ, въ одной изъ залъ по пути слѣдованія шествія. При представленіи посолъ былъ допущенъ къ рукѣ и удостоенъ милостивыми вопросами о его государѣ и о немъ самомъ. Бухарцы были одѣты въ своихъ парадныхъ парчевыхъ, шелковыхъ разноцвѣтныхъ одѣяніяхъ, причемъ, по словамъ записки коллегіи иностранныхъ дѣлъ, самъ посолъ имѣлъ на головѣ шапку, а прочіе только скуфьи (тюбетейки). Послѣ этого посольство было на аудіенціи у цесаревича, милостиво разговаривавшаго съ Иръ-Назаромъ.

Въ то же время претензія бухарскаго правительства по возмѣщенію убытковъ за разграбленіе каравана была передана на обсужденіе государственнаго совѣта, который, по собраніи необходимыхъ справокъ, въ засѣданіи 16 ноября 1775 года, постановилъ претензію эту отклонить, за недоказанностію справедливости ея, по неимѣнію въ виду закона, предусматривающаго такого рода случаи, а также потому, что «бунтовщики, съ которыхъ могла бы быть взыскана указанная бухарскимъ правительствомъ сумма убытковъ, частію уже истреблены (вѣроятно, пугачевцы), частію до сихъ поръ остаются неповинующимися» (киргизъ-кайсаки).

Дальнѣйшее, почти годичное, пребываніе посольства въ Москвѣ не было ознаменовано никакими выдающимися событіями. Все это время посолъ былъ преимущественно занятъ торговыми операціями, продавая привезенные съ собой и полученные изъ Бухары товары и покупая произведенія московскихъ фабрикъ, для отправленія ихъ въ Бухару. Впрочемъ, проживая въ столицѣ, бухарскій дипломатъ не пренебрегалъ также развлеченіями и удовольствіями, подчасъ довольно игриваго характера. По этому поводу, въ дѣлахъ иностранной коллегіи сохранилось документальное доказательство, въ видѣ донесенія московскаго полицеймейстера о бѣжавшей и скрывавшейся въ помѣщеніи посла крѣпостной дѣвицѣ нѣкой помѣщицы Ушакиной, которую Иръ-Назаръ долгое время не хотѣлъ выдать для водворенія у владѣлицы, не смотря на требованія полиціи. Этотъ эпизодъ, въ соединеніи съ увеселительной свитой посла и его широкимъ образомъ жизни, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Иръ-Назаръ отнюдь не былъ тѣмъ суровымъ аскетомъ, погруженнымъ исключительно въ дѣла науки и благочестія, какимъ рисуетъ его бухарское преданіе.

15 января 1776 года, посольство въ послѣдній разъ представлялось графу Панину, послѣ чего было отпущено обратно въ Бухару. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы Иръ-Назару была вручена отвѣтная грамота императрицы на имя Абуль-Гази, съ изъявленіемъ взаимныхъ

дружественныхъ чувствъ, а отъ канцлера письмо, въ которомъ излагались причины, побудившія русское правительство отклонить просьбу о вознагражденіи за разграбленіе бухарскаго каравана. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послу была передана, для врученія хану, въ видѣ отвѣтнаго подарка императрицы, драгоцѣнная шашка, осыпанная бриліантами, приготовленная ранѣе для крымскаго хана Сагинъ-Гирея, а отъ цесаревича осыпанный бриліантами султанъ, стоимостью около 2.000 рублей.

Передъ отъѣздомъ посольства Екатерина, со свойственнымъ ей великодушіемъ, приказала щедро наградить его. При этомъ собственно Иръ-Назару были оказаны слѣдующія милости:

Подаренъ «корабль» на Каспійскомъ морѣ, для его торговыхъ сношеній съ русскими владѣніями (указъ адмиралтействъ-коллегіи отъ 19 декабря 1776 г.).

Предоставлено право безпошлинной торговли въ русскихъ предѣлахъ въ теченіе 5-ти лѣтъ, на 9.000 рублей въ годъ.

Пожаловано деньгами въ награжденіе 2.000 рублей и на дорогу 1.000 рублей.

Возвращены обратно изъ казны 2.000 рублей, взысканные въ Астрахани за товары, привезенные и распроданные посломъ въ Россіи.

Подарена соболья шуба.

На обратные путевые расходы отъ Москвы до Астрахани посольству было выдано 1.630 рублей.

Уѣзжая на родину, бухарцы остались, повидимому, весьма довольны оказаннымъ имъ въ Россіи пріемомъ. Хотя главная цѣль посольства и не была достигнута, но лично для себя Иръ-Назаръ извлекъ изъ него значительныя по тому времени матеріальныя выгоды. Поэтому, при первой возможности, онъ незамедлилъ устроить для себя новую командировку въ Россію. Предлогомъ для этого послужили слѣдующія обстоятельства.

Въ 1775 году, одновременно съ бухарскимъ посольствомъ, въ Москвѣ находилось также посольство турецкое. Представители обоихъ мусульманскихъ государствъ не разъ видѣлись между собой, причемъ между ними возникло предположеніе объ установленіи бухарско-турецкой торговли и о направленіи средне-азіатскаго паломничества въ Мекку на Хиву и Астрахань, черезъ южно-русскіе предѣлы и далѣе моремъ черезъ Константинополь и Анатолію. По возвращеніи на родину, оба посла сообщили объ этомъ своимъ правительствамъ, въ результатѣ чего послѣдовалъ обмѣнъ посольствъ между турецкимъ султаномъ и Абуль-Гази-ханомъ. Первымъ было выслано изъ Константинополя въ Бухару посольство турецкое. Въ отвѣтъ на это послѣднее Абуль-Гази-ханъ снарядилъ въ 1779 году посольство изъ Бухары въ Константинополь, во главѣ котораго опять были поставлены мулла Иръ-Назаръ-бій и его сынъ Мухаметъ-

Шерифъ, получившій къ этому времени также званіе бія. По пути въ Константинополь, посольству было поручено явиться сначала къ русскому двору, возобновить претензію объ уплатѣ вознагражденія за разграбленіе на оренбургской линіи бухарскаго каравана и попросить у императрицы Екатерины 3.000 пудовъ мѣди, въ которой въ то время нуждалось бухарское правительство.

При посольствѣ отправлялось 28 человѣкъ свиты и прислуги, а также транспортъ подарковъ, состоявшихъ изъ слѣдующихъ предметовъ:

Императрицѣ два арабскихъ аргамака, съ попонами и сѣдлами; сабля, осыпанная алмазами и другими драгоцѣнными камнями; 35 паръ индійской кисеи, вышитой золотомъ и шелками. Цесаревичу одинъ аргамакъ; цесаревнѣ 10 паръ кисеи. Потемкину, Панину, Безбородко и прочимъ — 5 арабскихъ лошадей, 115 бухарскихъ халатовъ изъ дорогихъ матерій, ружье съ золотой насѣчкой и нѣкоторыя другія вещи бухарскаго производства.

Кромѣ того, Иръ-Назаръ везъ къ русскому двору еще подарки лично отъ себя, а именно: императрицѣ шашку, осыпанную бриліантами цѣной въ 18.000 рублей; 20 паръ индійскихъ парчей, 4 пучка страусовыхъ перьевъ въ 2.000 штукъ; цесаревичу -- арабскаго аргамака; цесаревнѣ 10 паръ индійскихъ парчей и 2 пучка перьевъ въ 1.000 штукъ. Министрамъ и высшимъ чинамъ двора верховыхъ лошадей и другія цѣнныя вещи.

Посольство выступило изъ Бухары весной 1779 года; 10-го августа прибыло въ Оренбургъ, гдѣ было задержано до начала декабря.

Вотъ интересный указъ Екатерины тогдашнему оренбургскому губернатору, генералъ-поручику Рейнсдорпу, относительно пропуска и отправленія посольства въ Петербургъ, выясняющій взглядъ императрицы на личность Иръ-Назара и значеніе обоихъ его посольствъ въ Россію.

«Хотя напередъ извѣстно, что онъ (то-есть посолъ) въ настоящемъ своемъ странствованіи больше собственные виды имѣетъ, нежели своего отечества, находящагося въ такомъ состояніи, по коему не можетъ никакъ предположена быть существенная нужда въ отправленіи посольствъ, и толь болѣе еще по прошествіи весьма малаго времени послѣ того, какъ онъ въ 1775 году былъ въ Москвѣ, и все то, что только могъ вздумать, представить по дѣламъ, до Бухаріи касающимся, совершенно уже въ томъ истощился и снабденъ былъ достаточными резолюціями, а съ турками по безмѣрному мѣстъ удаленію еще и больше несвойственности настоитъ въ заведеніи сообщенія и какихъ либо дѣлъ со стороны бухарской; не смотря однакожъ на сіи совершенно истинныя уваженія, кои оправдать моглибъ всякое препятствіе, чинимое нынѣ въ его скитаніи и купеческомъ промыслѣ подъ предлогомъ посольства, мы соизволяемъ, напротивъ того, чтобъ онъ и на сей разъ пропущенъ былъ въ нашу

столицу, слѣдуя въ семъ случаѣ высочайшей нашей склонности содержать престолъ нашъ императорской открытымъ прибѣжищемъ для иностранныхъ людей изъ толь дальнихъ областей, какова Бухарія, къ подражанію и примѣру въ обстоятельствахъ, иногда дѣйствительную пользу для дѣлъ нашихъ приносить могущихъ.

«Но какъ при отправленіи его сюда нужно будетъ высокомѣрію его положить предѣлы, ибо присвоенное ему отъ бухарскаго начальника названія бѣя и великаго посла, а не обыкновеннаго, есть всемѣрно дѣло его же происковъ, для основанія на томъ только требованія своего объ оказаніи ему больше почестей и о дачѣ ему умноженнаго содержанія, нежели какое понынѣ бухарскіе посланцы здѣсь имѣли, бывъ онъ самовидцемъ въ послѣднюю свою въ Москвѣ бытность пріемамъ учиненнымъ послу турецкому. Для того вы, увѣдомляя его Ирназара Максютова о дозволеніи, воспослѣдовавшемъ на его ко двору нашему пріѣздъ, въ то жъ время искуснымъ образомъ не оставите ему показать, что единственнымъ къ тому убѣжденіемъ было собственное наше къ нему благоволеніе, а отнюдь ничто другое, не настоя у насъ никакой связи съ Бухаріею, областію малою и отдаленною, и что онъ въ прочемъ въ какихъ бы чинахъ и званіяхъ въ своемъ отечествѣ ни находился, но здѣсь будетъ принимаемъ безъ всякихъ торжественныхъ обрядовъ, такъ какъ уже введено въ обыкновеніе и въ правило принимать людей, присылаемыхъ съ комисіями отъ подобныхъ владѣтелей, каковъ бухарской, имѣя все оказательство такимъ людямъ чинимое отношеніе свое не къ нимъ собственно, но къ ихъ владѣтелямъ, дабы онъ, Ирназаръ Максютовъ, слыша такія предварительныя вѣсти, какъ у васъ при отправленіи, такъ и въ бытность здѣсь при дворѣ нашемъ, меньше прихотливымъ и напрасливымъ былъ, нежели безъ того ожидать можно по его образу мыслей и по обращенію его, въ послѣднюю бытность въ Москвѣ оказанному, гдѣ онъ почти ничѣмъ довольнымъ не былъ».

«А изъ сего и выходитъ для васъ правило, чтобы вы, препровождая его сюда, поступили въ томъ и въ снабденіи его въ дорогу по прежнимъ примѣрамъ, а особливо по послѣднему бывшему съ нимъ самимъ въ Астрахани въ 1775 году. Тогда губернаторомъ астраханскимъ опредѣлено было ему самому кормовыхъ денегъ по 50, духовнымъ и свѣтскимъ чиновнымъ по 10, а рядовымъ по 7 коп., а всего на день по 4 рубли, но онъ отъ принятія оныхъ отрекся, и за то уже воздано было ему по пріѣздѣ въ Москву опредѣленіемъ и производствомъ со всею однако же свитою, состоящею почти въ 60 человѣкахъ, на содержаніе его, начиная съ пріѣзда въ Астрахань по 200 рублевъ въ мѣсяцъ; безъ сомнѣнія, онъ и нынѣ равнымъ образомъ поступитъ и отъ представляемыхъ вами кормовыхъ денегъ за бытность его въ Оренбургѣ и въ дорогѣ до здѣшняго мѣста попрежнему уклонится въ надѣяніи получить здѣсь за

то удовлетворенiе, но тѣмъ не меньше вамъ при прежнихъ положенiяхъ остаться надлежитъ для сохраненiя оныхъ въ ихъ непремѣнности, чтобъ однимъ въ томъ снисхожденiемъ не быть въ необходимости соглашаться и впредь на возростаемое время отъ времени корыстолюбiе азiатскихъ мелкихъ мѣстъ жителей, обличающихъ себя въ такое же качество посольства мнимаго. Еще дается вамъ знать, что губернаторъ астраханскiй былъ съ нимъ въ затруднительствѣ въ разсужденiи о привезенныхъ имъ тогда товаровъ; было у него оныхъ по таможенной оцѣнкѣ на десять тысячъ рублевъ, пошлинъ съ того слѣдовало слишкомъ двѣ тысячи рублевъ; но онъ, защищаяся своею посольскою комисiею и бывшею нуждою имѣть такiе товары не для продажи, а для своего содержанiя, на заплату оныхъ никакъ не согласился, которыя потомъ именнымъ нашимъ указомъ ему дѣйствительно и упущены; слѣдовательно, не будетъ онъ, конечно, и при настоящемъ случаѣ сговорчивѣе и податливѣе прежняго. Ну, пусть онъ тутъ свое дѣло сдѣлаетъ, а вы напротивъ того сдѣлайте свое, доведя до осмотра съ оцѣнкою всѣхъ могущихъ у него найтись товаровъ, кромѣ тѣхъ, кои назначены для поднесенiя намъ, и потребовавъ за нихъ для сохраненiя прежняго примѣра пошлину, по приличiю ихъ больше къ купечеству, а не къ посольству; имѣя онъ въ самомъ дѣлѣ способъ снабдить себя въ Оренбургѣ наличными деньгами на время своего путешествiя отъ торгующихъ тамо разныхъ мѣстъ татаръ, а сколько найдется у него товаровъ по цѣнѣ, имѣете въ свое время сюда донесть для извѣстiя и для того еще, чтобъ изъ того усмотрѣть было можно, по колику онъ и нынѣ въ томъ заслуживать будетъ упущенiе или, напротивъ того, нужно будетъ и взысканiе должныхъ пошлинъ, если бы вся вѣроятность собственнаго употребленiя, по излишнему множеству вещей и ихъ разнообразiю, не могла имѣть мѣста, а вопреки того по необходимому произведенiю исканiе его во всемъ томъ торговли безпошлинной и потому сугубо для него прибыльной, тутъ заключалось.

«Но каковъ онъ ни есть, когда мы всемилостивѣйше снисходимъ уже на допущенiе его ко двору нашему, то посему и поручается вашему попеченiю снабдить его какъ потребными для дороги повозками, такъ и столькими лошадьми, сколько ему будетъ надобно, отправляя для препровожденiя его нарочнаго съ нимъ офицера и оставляя въ собственное его благоизобрѣтенiе, съ собою ли онъ поведетъ находящихся при немъ для двора нашего лошадей, или же пожелаетъ, чтобы особливое имъ отправленiе учинено было, что вы и дѣйствительно исполните, посылая ихъ за добрымъ присмотромъ съ дачею въ дорогу денегъ достаточныхъ на ихъ прокормленiе, которыя, равно какъ и всѣ на него самого и со всею его свитою издержки поставите вы на счетъ чрезвычайной и какъ о томъ донесетъ въ нашу коллегiю иностранныхъ дѣлъ, такъ и о времени выѣзда

его изъ Оренбурга, давая о семъ последнемъ обстоятельстве заблаговременно знать и въ Москву оной коллегіи въ контору, для приготовленія ему тамъ квартиры».

Далѣе, изъ всеподданнѣйшаго доклада государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ по поводу прибытія посольства въ Петербургъ, мы увидимъ, что предположенія императрицы относительно исключительно спекулятивныхъ цѣлей этой второй поѣздки Иръ-Назара въ Россію не совсѣмъ оправдались.

24-го декабря, посольство прибыло въ Москву, въ сопровожденіи оренбургскаго линейнаго баталіона прапорщика Пальчикова, а 4-го января 1780 года въ Петербургъ, гдѣ было помѣщено на Васильевскомъ островѣ, въ казенномъ домѣ, принадлежавшемъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

На содержаніе посольства, на этотъ разъ, было ассигновано отъ двора по 360 рублей въ мѣсяцъ; для выѣздовъ посла куплена карета въ 800 рублей, для выѣздовъ свиты наняты два извозчичьи экипажа. Сопровождавшему посольство офицеру назначено по 50 коп. въ сутки кормовыхъ денегъ, толмачу по 25 коп., уряднику по 15 коп. и рядовымъ по 10 коп. въ сутки. Сопровождавшему подарочныхъ лошадей подпоручику Колокольцову выдано въ награду 80 рублей, уряднику 10 и казакамъ по 5 рублей.

Посольство представлялось графу Панину 21-го января; императрицѣ и цесаревичу 2-го февраля. Екатерина и на этотъ разъ весьма ласково приняла посольство; Иръ-Назаръ былъ допущенъ къ рукѣ и удостоенъ милостивымъ разговоромъ, но въ принятіи лично имъ привезенныхъ императрицѣ подарковъ ему было отказано, для объявленія чего къ нему былъ нарочно командированъ секретарь иностранной коллегіи, Муратовъ, «потому», какъ говорится въ протоколѣ коллегіи: «что оные подарки не присланы съ нимъ отъ хана, но собственное его есть стяжаніе».

Въ бытность въ Петербургѣ, Иръ-Назаръ представилъ на высочайшее воззрѣніе, черезъ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, рядъ просьбъ отъ имени своего правительства и лично отъ себя. Вотъ вкратцѣ содержаніе этихъ просьбъ:

Выдать бухарскому правительству, для передачи бухарскимъ купцамъ, 471.830 рублей въ вознагражденіе за убытки, понесенные ими при разграбленіи каравана въ 1773 году.

Отпустить хану, въ подарокъ, съ Троицкихъ заводовъ 3.000 пудовъ мѣди пластинами.

Выдать денежное вознагражденіе за 20 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ, выкупленныхъ и приведенныхъ посольствомъ въ Россію въ 1775 году.

Разрѣшить послу, его сыну и свитѣ свободный проѣздъ черезъ русскія владѣнія въ Турцію и обратно и, наконецъ,

Подарить ему, Иръ-Назару, и его сыну, соболь и шубы, какъ знакъ

монаршей милости, оказываемой всѣмъ вообще восточнымъ посламъ, турецкимъ, персидскимъ и проч., удостоиваемымъ благосклоннаго пріема при русскомъ дворѣ.

Всѣ эти просьбы составляли, впрочемъ, лишь второстепенную цѣль посольства; главная же, какъ мы указали это выше, заключалась въ поѣздкѣ Иръ-Назара къ отоманскому двору, съ цѣлью изысканія и установленія торговыхъ путей для бухарско-турецкой торговли и паломничества въ Мекку черезъ русско-турецкіе предѣлы.

Приводимъ выдержку изъ всеподданнѣйшаго доклада по этому поводу государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 2-го апрѣля 1780 года, устанавливающую взглядъ тогдашняго русскаго правительства на политическое соотношеніе нашихъ подданныхъ мусульманъ и народовъ Средней Азіи съ ихъ западными единовѣрцами, населявшими Кавказъ, Крымъ и Турцію.

«Одно изъ правилъ здѣшней политики было напередъ сего препятствовать сообщенію какъ живущимъ въ предѣлахъ здѣшней имперіи магометанамъ съ ихъ заграничными единовѣрцами, такъ равнымъ образомъ и не подданнымъ магометанамъ же, обитателямъ великой Татаріи, чрезъ здѣшнія мѣста съ Крымомъ, Кубанью и Портою Оттоманскою.

«Могли быть тому въ прежнія времена причины важныя, по опасности, чтобъ внутренніе и внѣшніе магометане не учинились наконецъ содѣйствующими туркамъ и татарамъ крымскимъ и кубанскимъ противъ здѣшней имперіи, во время войны и разрывовъ.

«Но изъ самыхъ, напротивъ того, достовѣрныхъ свидѣтельствъ оказалось, что при всѣхъ употребленныхъ при границахъ усиліяхъ и наблюденіяхъ строжайшихъ, успѣвали однакожъ, по великой оныхъ обширности, башкирцы и другіе татары прокрадываться въ Крымъ и къ Портѣ съ прошеніями о защищеніи ихъ отъ здѣшняго будто утѣсненія, въ разсужденіи свободности вѣры и всего ихъ обращенія.

«А какъ со всѣмъ тѣмъ такія съ заграничными магометанами бывшія пересылки ни малѣйшихъ предосудительныхъ слѣдствій во все прошедшее время не имѣли, ибо поведеніе однихъ съ поведеніемъ другихъ никогда не было соотвѣтствующимъ и предполагавшимъ какое либо между ними соглашеніе ко вреду здѣшнему, то въ настоящемъ превосходномъ состояніи управляемой скипетромъ вашего императорскаго величества имперіи, когда оная премудростію вашего величества и неутомленными трудами возведена на вышшую степень почтенія со стороны турковъ и татаръ, толь меньше какое либо сумнительство оставаться можетъ въ разсужденіи сношенія съ ними татаръ внѣшнихъ, великой Татаріи жителей, но съ довольною вмѣсто того вѣроятностію еще и пользы ожидать можно отъ подобнаго разрѣшенія при нѣкоторыхъ извѣстныхъ полагаемыхъ тому условіяхъ».

Далѣе докладъ переходитъ къ оцѣнкѣ значенія проекта Иръ-Назара и какъ бы воскрешаетъ геніальную мысль Петра Великаго о поворотѣ торгово-политическихъ сношеній Восточной и Средней Азіи съ Западной Европой въ русскіе предѣлы.

«Посему повергаетъ коллегія въ монаршее вашего императорскаго величества благоизобрѣтеніе, угодно ли будетъ сего настоящаго бухарскаго посланника повелѣть пропустить чрезъ имперію вашего величества въ области турецкія, и куда онъ въ какомъ бы намѣреніи ни отправлялся; ибо предъявляемой имъ предлогъ, чтобъ отъ своего владѣтеля и всего общества воздать въ лицѣ императора оттоманскаго первосвященнику или калифу магометанскаго закона почтеніе видится, паче ложнымъ, нежели истиннымъ, составленнымъ изъ полученнаго имъ новаго понятія по разговорамъ и изъясненіямъ съ турецкимъ посломъ, въ одно время съ нимъ въ Москвѣ прилучившимся, но поѣздка его однако покажетъ примѣръ къ подражанію едва ли не склоняясь она въ главномъ своемъ предметѣ къ установленію торговли съ турками чрезъ посредство здѣшнихъ мѣстъ и Чернаго моря, или же совокупно и къ открытію татарскимъ богомольцамъ пути въ Мекку, кои должны теперь проѣзжать чрезъ Персію и по тамошнимъ неустройствамъ и разности исповѣданія своего терпятъ иногда отъ персіянъ трудности и бѣдствія, то-есть къ двумъ такимъ обстоятельствамъ можетъ быть склонятся его Иръназарова поѣздка, кои по образу мыслей бухарцевъ, хивинцевъ и прочихъ тамошнихъ народовъ всѣхъ безъ изъятія въ купеческомъ промыслѣ упражняющихся, но всѣхъ же и ревностныхъ магометанъ, могутъ одни только занимать ихъ вниманіе, привесть многихъ изъ нихъ къ единодушной подвижности и внушить имъ намѣренія и мѣры общія, кои сперва коль ни маловажны были-бъ, но въ состоятельствѣ своемъ и продолженіи, возростая отъ самаго времени, отъ частыхъ прибытковъ и отъ умноженія охотниковъ въ большую силу и окружность, наконецъ по всей вѣроятности возобновить могутъ и потерянную сухопутную дорогу изъ Восточной Индіи въ Европу, бывшую толь славною въ древности и до открытія морского пути мимо мыса Доброй Надежды. Тогда не будутъ уже мѣшать варварскіе степные народы, встрѣчающіеся на пути татарскимъ купцамъ до предѣловъ здѣшнихъ, когда будутъ ходить тысячные караваны, пользою и вѣрою возбуждаемые. Провидѣніе Божіе да совершитъ сіе событіе въ великое царствованіе вашего императорскаго величества къ умноженію пользы имперіи и со стороны торговли со всею обильною Азіею, имѣвшею нѣкогда сообщеніе преимущественнѣйшее съ протчимъ свѣтомъ чрезъ Черное море и могущею нынѣ паки онымъ воспользоваться по благоволенію вашего императорскаго величества».

Докладъ иностранной коллегіи заканчивается характерной оцѣнкой личности самого Иръ-Назара и его домогательствъ передъ русскимъ правительствомъ. То и другое выражено слѣдующими словами:

«Взирая на его (Иръ-Назара) расходы, сдѣланные имъ въ послѣднюю его бытность въ Москвѣ и чинимые имъ и нынѣ здѣсь и, что почти и въ томъ сумнѣнія нѣтъ, по сравненію бывшихъ напредь сего изъ Бухаріи посланниковъ въ убожествѣ, а не въ богатствѣ видѣнныхъ, что ни ханъ бухарской, ни земля тамошняя никакого участія не имѣютъ въ его расточеніяхъ и о чемъ онъ и самъ не скрывается, перенимая всѣ оныя на свой счетъ, тотчасъ мысль представляется, что они для него, какъ частнаго человѣка, велики и несовмѣстны употребленіемъ своимъ на удачу со скупостію татарамъ свойственною; но надобно, чтобъ онъ въ томъ имѣлъ пособіи отъ своихъ соотечественниковъ, не тѣхъ, кои вышеписанные грабежи претерпѣли и по собственному его объявленію находятся теперь въ бѣдности, но отъ достаточныхъ, чѣмъ и подтверждается вышеписанное гаданіе по порученію ему отъ нихъ положить путь для комерціи и богомолія чрезъ имперію вашего величества въ имперію Оттоманскую, а при такомъ его проворствѣ относительно къ своей сторонѣ, и въ чемъ по крайней мѣрѣ находится довольное правды пособіе, воображать уже не невозможно по слѣдствію не меньше необходимому, что онъ, приступя послѣ полученнаго изъясненія и отказа къ требованію объ удовлетвореніи бухарцовъ за грабежи ими претерпѣнныя и полагая тутъ собственной своей потери на пятнадцать тысячъ рублевъ и еще учиненныя имъ великія издержки во время прежнихъ его ходатайствъ въ лицѣ купецкомъ, заставя же и хана своего вновь къ симъ претензіямъ приступить для приданія, повидимому, онымъ большей важности и чтобъ не показаться одному душою и пружиною всего того, не ищетъ ли паче симъ своимъ поступкомъ толь вящшихъ и больше нежели обыкновенныхъ награжденій, какъ при отправленіи своемъ къ Портѣ, такъ и по возвращеніи оттуда при отъѣздѣ своемъ въ отечество, нежели въ самомъ дѣлѣ въ полученіи претензіи успѣть надѣяться, тѣмъ больше, что не въ первый сей разъ бухарцы терпѣли отъ киргисъ-кайсакъ грабежи, но никогда однако-жъ такой неотступной докуки не производили, а довольствовались тѣмъ, къ чему только безъ дальнихъ усилій и убытковъ, когда воспособствованы быть могли, сами по сосѣдству и обращенію своему вѣдая, коль мало способны киргисъ-кайсаки къ строгимъ и точнымъ взысканіямъ».

Въ результатѣ этого доклада состоялась слѣдующая резолюція императрицы Екатерины, выраженная въ указѣ иностранной коллегіи отъ 9-го мая 1780 года.

Пропустить посольство черезъ русскія владѣнія въ Константинополь, черезъ Кіевъ или Херсонъ, какъ оно пожелаетъ, доставивъ ему въ пути, до самыхъ границъ, возможныя выгоды и удобства. Выдать посольству въ прогоны, до русской границы, 2.600 рублей и на расходы въ пути 1.200 рублей. Купить и подарить послу дорожную карету въ 1.300 рублей. Подарить Иръ-Назару и его сыну

въ знакъ монаршей милости, шубы и 2.000 рублей въ награжденіе. Хану отпустить съ Троицкихъ заводовъ 3.000 пудовъ мѣди пластинами, извѣстивъ его, черезъ нарочнаго гонца, какъ объ этомъ, такъ и о пропускѣ посольства въ Константинополь.

Что касается остальныхъ домогательствъ Иръ-Назара, то они и на этотъ разъ были отклонены, о чемъ онъ былъ извѣщенъ особой запиской иностранной коллегіи, врученной ему передъ отъѣздомъ его изъ столицы.

Посольство выѣхало изъ Петербурга 10-го сентября; 19-го октября прибыло въ Херсонъ, гдѣ, при содѣйствіи херсонскаго губернатора генералъ-поручика Ганибала, наняло два греческихъ судна и, помѣстившись на одномъ изъ нихъ само, а на другомъ помѣстивъ экипажи и имущество, отплыло въ Очаковъ. До Херсона посольство сопровождали, въ качествѣ приставовъ, подпоручикъ Колокольцовъ и прапорщикъ Пальчиковъ, которые, по возвращеніи въ Петербургъ, по письменному ходатайству Иръ-Назара, были произведены въ слѣдующіе чины.

О дальнѣйшихъ странствованіяхъ посольства въ дѣлахъ иностранной коллегіи имѣются лишь отрывочныя свѣдѣнія. Изъ донесеній русскаго министра-резидента при отоманскомъ дворѣ Булгакова видно только, что посольство прибыло въ Константинополь 27-го октября 1780 года, 9-го ноября представлялось великому визирю, съ которымъ Иръ-Назаръ велъ торгово-политическіе переговоры, затѣмъ выѣхало въ Мекку, на пути въ которую, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1781 года, Иръ-Назаръ умеръ въ Коніи[1]), отъ свирѣпствовавшей тогда въ Малой Азіи какой-то эпидемической болѣзни.

Этимъ и исчерпываются наши свѣдѣнія о двукратныхъ посольствахъ Муллы-Иръ-Назаръ-бія въ Россію. Что касается раздѣлявшаго эти посольства сына посла, Мухаметъ-Шерифа, то эта личность еще два раза появлялась при русскомъ дворѣ: въ 1783 году, на обратномъ пути изъ Константинополя въ Бухару, и въ 1785 году, въ качествѣ бухарскаго посла, съ порученіями отъ своего правительства. Относительно этого послѣдняго посольства возникло, впрочемъ, сомнѣніе, что оно дѣйствительно снаряжено бухарскимъ правительствомъ, такъ какъ доставленныя Мухаметъ-Шерифомъ въ Петербургъ вѣрительныя грамоты и письма не были снабжены печатями, замѣняющими, какъ извѣстно, на Востокѣ подписи лицъ, отъ которыхъ исходитъ такого рода документъ. Было ли это простое недоразумѣніе, или же ловкій бухарецъ, котораго видимо тянуло въ Россію, воспользовался возникшими въ это время въ Бухарѣ внутренними безпорядками и междуцарствіемъ, чтобы подъ видомъ офиціальнаго лица побывать при русскомъ дворѣ,—остается не выясненнымъ. Во всякомъ случаѣ, хотя наше правительство и

---

[1]) Городъ въ Анатоліи.

отказалось признать за нимъ достоинство посла, но онъ и въ 1783 и 1785 году былъ ласково принятъ при дворѣ императрицы Екатерины, доставленъ въ Петербургъ и содержимъ тамъ на казенный счетъ, а при отпускѣ на родину награжденъ денежными подарками. Во время поѣздокъ по Россіи Мухаметъ-Шерифа при немъ состояли, въ качествѣ приставовъ, въ 1783 году, извѣстный Филиппъ Ефремовъ[1]) и, въ 1785 году, поручикъ Колокольцовъ, путевой дневникъ котораго до сихъ поръ сохранился въ дѣлахъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

Приведенный нами отчетъ о двукратныхъ посольствахъ Муллы-Иръ-Назаръ-бія ко двору императрицы Екатерины II достаточно выясняетъ причины, вызвавшія эти посольства, ихъ результаты и тѣ обстоятельства, которыми сопровождалось пребываніе Иръ-Назара въ Россіи. Было бы совершенно излишнимъ сопоставлять эти обстоятельства съ тѣми преданіями и легендами, которыя приведены по этому поводу въ нашей описательной литературѣ. Легенды эти нужно признать далекими отъ исторической правды и имѣющими значеніе, лишь какъ произведенія бухарскаго народнаго эпоса.

Намъ остается прибавить нѣсколько словъ по поводу возникшаго по инціативѣ Иръ-Назара проекта поворота торговыхъ сношеній Восточной Азіи съ Западной Европой на ихъ первобытный путь къ берегамъ Каспійскаго, Балтійскаго и Чернаго морей. Со смертію Иръ-Назара проектъ этотъ на долгое время былъ преданъ забвенію. Общій ходъ политическихъ событій въ Западной Европѣ, хроническія недоразумѣнія съ Турціей и Швеціей, колеблющееся положеніе Польши, Крыма и Грузіи, отвлекали вниманіе русскаго правительства отъ далекой, мало извѣстной Восточной Азіи, заставляя сосредоточить всѣ силы и средства русскаго народа на нашихъ западныхъ и южныхъ границахъ. Туркестанъ, съ его безконечными степями, знойнымъ климатомъ и полудикимъ населеніемъ, былъ какъ бы забытъ на это время; имъ начали опять интересоваться лишь полстолѣтія спустя, когда впервые были снаряжены въ Хиву и Бухару серьезныя научныя правительственныя экспедиціи, подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Негри. Что касается народовъ и правительствъ тогдашнихъ средне-азіатскихъ ханствъ, то въ силу печальной исторической послѣдовательности, обусловливаемой непомѣрнымъ развитіемъ мусульманскаго фанатизма, косностью и подозрительностью монголо-таджикской натуры, они не только не стремились къ сбли-

---

[1]) Авторъ «Десятилѣтнихъ странствованій», изданныхъ три раза: въ 1786, 1794 и 1811 годахъ. Въ 1774 году онъ былъ захваченъ въ плѣнъ киргизами и проданъ въ Бухару, гдѣ служилъ въ войскахъ хана Абуль-Гази. Оттуда чрезъ Коканъ, Кашгаръ, Яркендъ, Тибетъ и Кашемиръ бѣжалъ въ Индію и возвратился въ Петербургъ моремъ.

женію съ сосѣдней Россіей, но, напротивъ, всѣми силами противодѣйствовали этому сближенію. Доказательствомъ тому можетъ служить несчастная экспедиція въ Хиву князя Бековича-Черкасскаго и послѣдующія неудачныя попытки со стороны Россіи установить правильныя торговыя сношенія съ Хивой и Бухарой, выразившіяся въ посылкѣ вооруженныхъ торговыхъ каравановъ Миллера въ 1738 г., Рукавкина въ 1753 и Кайдалова въ 1803 и 1824 годахъ. Всѣ эти караваны были или разграблены по пути слѣдованія, или же были принуждены вернуться обратно, съ большими потерями, не достигнувъ по назначенію.

Въ частности, Бухарское ханство, какъ мы указали это выше, находилось въ описываемую эпоху въ состояніи полнаго государственнаго разстройства, весьма близкаго къ анархіи. Вниманіе его тогдашнихъ правителей было всецѣло поглощено придворными интригами и внутренними смутами, завершившимися окончательнымъ устраненіемъ отъ власти слабаго и ничтожнаго Абуль-Гази и воцареніемъ въ Бухарѣ, въ 1784 году, новой узбекской династіи, въ въ лицѣ нѣкоего Шахъ-Мурада, извѣстнаго иначе подъ именемъ эмира Маассума [1]).

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ смѣлый по своей идеѣ, но сложный и сомнительный по выполнимости на дѣлѣ, проектъ поворота торговыхъ сношеній Восточной Азіи съ Западной Европой на ихъ первобытный путь, въ бухарско-русскіе предѣлы, былъ вскорѣ преданъ забвенію обѣими заинтересованными странами. Та же участь постигла бы, вѣроятно, и самую личность иниціатора этого проекта, Муллу-Иръ-Назаръ-бія, если бы память о немъ не была увѣковѣчена учрежденіемъ въ Бухарѣ медрессе его имени. Кто былъ настоящимъ учредителемъ и строителемъ медрессе Иръ-Назаръ-Ильчи,—самъ ли Иръ-Назаръ или, какъ можно думать, его сынъ Мухаметъ-Шерифъ-бій,—рѣшеніе этого вопроса не входитъ въ программу нашего изслѣдованія. Интересъ и значеніе этого средне-азіатскаго памятника старины исчерпывается для насъ связанной съ нимъ идеей общности международныхъ интересовъ, впервые пробудившейся тогда въ сознаніи бухарскаго народа, и тѣмъ обобщеніемъ блестящей личности Екатерины съ лучшими его идеалами и духовными стремленіями, которое выразилось въ приписываемомъ ей сооруженіи высшаго мусульманскаго училища — поступкѣ, считающемся повсюду на Востокѣ выдающимся подвигомъ благочестія.

---

[1]) Шахъ-Мурадъ происходилъ изъ узбекскаго рода Мангытъ, изъ отдѣленія Тукъ; по однимъ извѣстіямъ, онъ былъ сынъ, по другимъ—племянникъ бухарскаго министра Даніалъ-Аталыка. Объ этой выдающейся личности на бухарскомъ престолѣ имѣются подробныя свѣдѣнія въ запискахъ Мурза-Шемси-Бухари, въ исторіи Бухары Вамбери и у Малькольма, т. II, стр. 256 — 260. Управляющій въ настоящее время Бухарой эмиръ Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ есть праправнукъ Шахъ-Мурада.

Въ заключеніе, намъ остается привести историческую справку по поводу существующаго въ русскомъ Туркестанѣ преданія, что большая соборная мечеть въ Ташкентѣ [1]), послѣ разрушенія ея землетрясеніемъ, въ концѣ XVIII столѣтія, также была возстановлена на средства, пожалованныя императрицей Екатериной II.

Сношенія Россіи съ ташкентскимъ беглербегствомъ въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія ограничиваются посылкой въ этотъ пунктъ слѣдующихъ лицъ: Миллера и Кумилева въ 1739 году, Поспѣлова и Бурнашова въ 1800 и Назарова въ 1813 году. Изъ нихъ Поспѣловымъ составлено обстоятельное описаніе тогдашняго ташкентскаго владѣнія, въ томъ числѣ и самаго города Ташкента. Ни въ этомъ описаніи, ни въ дѣлахъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ за 1700—1800 г. не заключается ни одного намека на то, что императрица Екатерина II дѣлала какія либо пожертвованія на реставрацію джумма-мечети, но вотъ что мы, между прочимъ, находимъ въ запискѣ Поспѣлова:

«Между всѣми строеніями въ семъ городѣ (Ташкентѣ) двѣ мечети, по увѣренію жителей, древнія и во время возмущенія разрушенныя; въ самыхъ остаткахъ или развалинахъ показываютъ довольно хорошее расположеніе и искусство тогдашняго народа. Онѣ весьма обширны и складены изъ обожженнаго кирпича, у которыхъ какъ стѣны, такъ и куполы покрыты были синей краской. Сіи мечети хотя и можно бы было еще исправить, но, кажется, недостатокъ рабочихъ рукъ останавливаетъ» [2]).

Мы едва ли ошибаемся, выразивъ предположеніе, что одна изъ этихъ двухъ большихъ, древнихъ мечетей, разрушенныхъ во время возмущенія или, какъ утверждаетъ народное преданіе, землетрясенія, есть теперешняя ташкентская мечеть—джумма, возстановленная уже послѣ 1800 года, то-есть нѣсколькими годами позже смерти императрицы Екатерины II, послѣдовавшей, какъ извѣстно, въ 1796 году. Кѣмъ, именно, она возстановлена,—рѣшеніе этого вопроса составляетъ задачу мѣстной археологіи. Съ своей стороны, мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что народное преданіе, обобщающее имя императрицы Екатерины II съ возстановленіемъ изъ развалинъ этого древняго средне-азіатскаго памятника, является, повидимому, совершенно лишеннымъ исторической правды.

[1]) Это зданіе подробно описано въ книгѣ Маева «Азіатскій Ташкентъ», отпечатанной безъ обозначенія года и мѣста, гдѣ она была издана.

[2]) См. Записки императорскаго русскаго географическаго общества за 1852 годъ, т. I, отд. IV.

